

И. С. Гурвич

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ЧУКЧЕЙ

Традиционная культура чукчей-оленьеводов и оседлых морских зверобоев в свое время была подробно исследована В. Г. Богоразом¹. Впоследствии этнографы-сибиреведы обратили внимание на особенности культуры отдельных локальных групп чукчей², опубликовали интересные сведения о чукотских праздниках и обрядах³, о способах охоты на морского зверя, об устройстве древних зимних жилищ чукчей⁴, о чукотских танцах⁵, изобразительном искусстве⁶ и т. д. И тем не менее в наших знаниях о традиционной культуре чукчей имеется немало пробелов.

Северо-восточный отряд Северной экспедиции Института этнографии АН СССР в течение ряда лет собирает материалы, проливающие свет на некоторые стороны традиционной культуры чукчей-оленьеводов.

Еще во время работы в Шмидтовском и Билибинском районах Чукотки в 1975 и 1976 гг. нам приходилось слышать о том, что некоторые семьи в прошлом разрисовывали наружную лицевую часть полога. С какой целью делали рисунки, узнать не удалось. Сведения об украшении пологов в литературе также отсутствуют.

В 1977 г., когда отряд работал в летнем стойбище 8 бригады совхоза Певек Чаунского района, обнаружилось, что в одной из яранг полог был разрисован красной краской. Над входом во всю ширину полога была проведена жирная черта, над ней нарисованы два кружка и в каждом из них схематично изображено по бегущему человеку (рис. 1).

Расспросы хозяйки яранги С. Ночиной, несколько лет назад унаследовавшей ярангу и полог, дали немного. Рисунки будто бы были сделаны прежними хозяевами, «чтобы все было хорошо», т. е. изображения имели охранное значение. Следует сказать, что над пологом висели три

¹ В. Г. Богораз. Очерк материального быта оленных чукчей, составленный на основании коллекции Н. Л. Гондатти, находящейся в этнографическом музее Академии наук.—«Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР», т. I, 1901, СПб., в. 2, с. 1—65; его же. Чукчи, т. I. Л., 1936; т. II. Л., 1939.

² И. С. Вдовин. Вагские чукчи.—«Труды Ин-та этнографии АН СССР» (далее — ТИЭ), т. LXXVIII, М., 1962, с. 153—164.

³ В. Г. Кузнецова. Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских чукчей.— ТИЭ, т. XXXV, М.—Л., 1957, с. 263—326.

⁴ В. В. Леонтьев. Современные способы промысла нерпы на северном побережье Чукотского национального округа.—«Краеведческие записки», в. IV, Магадан, 1967, с. 34—37; его же. Хозяйство и культура народов Чукотки (1938—1970). Новосибирск, 1973.

⁵ М. Я. Жорницкая. Изучение танцевальной культуры амгуэмских чукчей.—«Итоги полевых работ Ин-та этнографии в 1971 г.», М., 1972, с. 157—163.

⁶ С. В. Иванов. Орнамент народов Сибири как исторический источник.— ТИЭ, т. 81, М.—Л., 1963.

Рис. 1. Полог с рисунком. (здесь и далее фото С. Г. Цихановича)

Рис. 2. Рисунок на пологе

камня-охранителя. По поводу этих амулетов она ответила так же, что они висят для того, чтобы все были здоровы.

Рисунки на пологе были обнаружены также в яранге одной из бригад совхоза Энмитагино в тундре около р. Баранихи. По углам внешней лицевой стороны в верхней части полога были нарисованы два креста размером около 10 см каждый (рис. 2).

Знатоки старины, с которыми нам пришлось беседовать, подтвердили, что они также видели разные изображения на пологах. Такие рисунки наносили по указанию шаманов или старых людей, когда кто-нибудь болел или видел во сне, что такое изображение необходимо сделать.

Таким образом, нет оснований предполагать, что рисунки на пологе — какое-либо новшество.

Возможно, нанесение охранительных знаков на полог — давняя традиция, не обратившая до сих пор на себя внимания исследователей.

Напомним, что неподалеку от Чаунской губы в Шмидтовской тундре нам пришлось наблюдать ритуальное нанесение изображения животных на покрывку яранги⁷. Далее, именно в Чаунской тундре на р. Пегтымель были обнаружены петроглифы⁸. Однако не исключено и то, что знаки на пологе западные чукчи стали наносить под влиянием соседей. Пологи с рисунками обнаружены нами в стойбищах, где некоторые семьи находились в родстве с чуванцами и эвенками (ламутами). Обе народности были обращены в христианство в XVIII—XIX вв. Возможно, этим объясняется наличие среди знаков крестов. Укажем также, что эвены в прошлом в покрывки своих чумов вшивали клинья с цветной каймой.

Будем надеяться, что дальнейшие исследования прояснят вопрос, так как рисунки на пологих представляют значительный интерес для характеристики изобразительного искусства оленных чукчей и для понимания истоков пиктографии на северо-востоке Сибири.

Представляется важным обратить внимание и еще на одну находку, сделанную во время этнографического обследования Чаунской тундры.

В ряде летних стойбищ в ярангах у представителей старшего поколения удалось осмотреть связки охранных амулетов и предметов, хранящихся вместе с ними. В яранге старого оленевода Ф. Тегрыкая на специальной нарте, предназначенной для перевоза праздничной одежды и утвари, был обнаружен предмет из искривленного дерева. Это была плоская серповидная дощечка, сужавшаяся к ручке и расширявшаяся в центральной части и вновь сужавшаяся в конце. Длина предмета около 45 см, наибольшая ширина 7 см. В сечении пластина имела овальную форму. К рукоятке было привязано в виде петли ожерелье из бусин синего, белого и черного цвета. Так как дерево, видимо, от долгого хранения треснуло, то один конец предмета был перехвачен кольцом из медной пластины. Дощечка была желтой от дыма и лоснилась от жира (рис. 3).

Из расспросов владельца предмета и населения (мы показывали рисунок обнаруженной дощечки и другим информаторам) выяснилось, что заинтересовавший нас предмет представляет метательное орудие, применявшееся только на августовском празднике забоя оленей. Когда стадо подходило после летней кочевки к ярангам, его торжественно встречали — стреляли в сторону приближавшихся оленей зажженными стрелами, бросали горящие угли и металы этот предмет.

По словам наших информаторов, метательные дощечки еще сравнительно недавно хранились во многих семьях вместе с древними священными предметами — такими, как луки, стрелы с наконечниками из камня и железа, панцири — и рассматривались как ритуальный предмет, как орудие, вышедшее из употребления.

Однако много древних реликвий в Чаунской тундре, в том числе и метательные дощечки, были уничтожены во время тяжелых эпидемий конца XIX — начала XX в., так как наследники часто отказывались от яранг умерших стариков. В этом случае священные предметы, огневые доски, а также охранителей сжигали или оставляли догнивать вместе с ярангой.

Практическое назначение метательных дощечек близко к описанным нами в 1953 г. чукотским метательным дугообразным палицам — по-

⁷ И. С. Гурвич. Чукотские рисунки на яранге. — «Известия Сибирского отделения АН СССР, серия обществ. наук», 1977, № 1.

⁸ Н. Н. Диков. Наскальные загадки древней Чукотки (Петроглифы Пегтымеля). М., 1971.

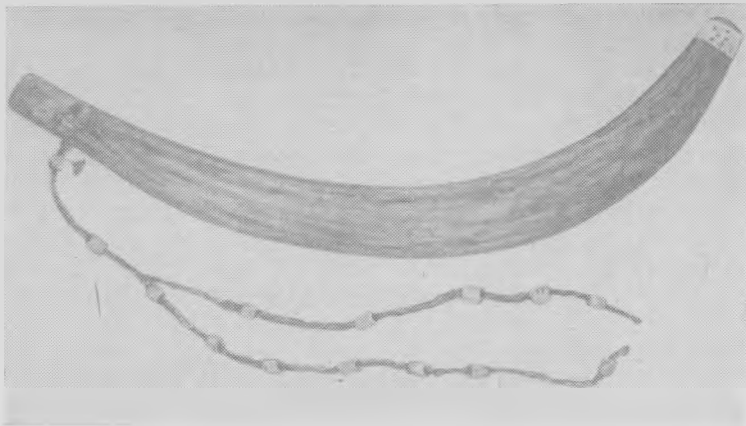

Рис. 3. Метательная дощечка

сохам⁹. Такие посохи и в настоящее время широко используются оленеводами для подгона отбивающихся оленей к стаду. Испуганные звуком полета и падения посоха или ударенные им олени возвращаются к стаду. Дугообразные посохи иногда мечут в куропаток, гусей и уток. Но обычно их используют как опору при ходьбе или беге. Такие метательные палицы в Халерчинской тундре между Колымой и Индигиркой именовались *танвычгын* или *кенунен*.

В отличие от метательного посоха метательная дощечка применялась только как баллистическое орудие и имела специальное наименование — *вычгытрын*. Оно, видимо, происходит от чукотского глагола *выльорьгкыпеп* — бросается, швыряется в кого-либо¹⁰. По форме (равновеликие плечи), по размерам и назначению обнаруженная метательная пластинка более близка к австралийским бумерангам, чем метательный посох.

О древности чукотских метательных дощечек свидетельствуют не только расспросы населения, но и находки бумеранговидной пластинки в древнеберингоморском могильнике в Уэлене¹¹. Таким образом, теперь можно утверждать, что древнему населению Чукотки были известны разнообразные метательные орудия и в том числе близкие по типу к классическому бумерангу.

Для понимания архаического мировоззрения народов крайнего северо-востока Сибири несомненный интерес представляют сведения, полученные нами о семейных охранителях чаунских чукчей. Во время маршрута по Чаунскому району нам удалось осмотреть и сфотографировать семейных охранителей в нескольких ярангах. Как неоднократно отмечалось в литературе, такие охранители в прошлом были в каждой семье¹². Их перевозили на особой грузовой нарте в большом мешке.

Осмотр нарт показал, что в этих больших мешках хранили не только огневые доски — приборы для разведения огня, связки семейных охранителей, но и праздничную одежду семьи (шапки, кухлянки, штаны с нерпичьими украшениями) и ремни, служившие для подвешивания губ, хвостов и шкурок жертвенных телят к жердям-подпоркам яранги во время праздников. Здесь же хранили ремни или арканы, которыми увя-

⁹ И. С. Гурвич. Метательное орудие на Колыме. — «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», М., 1953, в. XVIII, с. 47—49.

¹⁰ В. Г. Богораз. Луораветланско-русский словарь. М. — Л., 1937, с. 162.

¹¹ С. А. Арутюнов, Д. А. Сергеев. Новые находки в древнеберингоморском могильнике в Уэлене. — «Сов. этнография», 1961, № 6, с. 123.

¹² В. Г. Богораз. Чукчи, т. II, с. 60.

Рис. 4. Мешок из шкуры дикого оленя для хранения мелких амулетов и камней-плосшек; камни-плосшки для разведения сажи или графита при помазании на праздник

зывали тальниковые ветки с корнями, заготавливаемыми в большом количестве для августовского праздника забоя тонкошерстных оленей.

В особом продолговатом мешке, сшитом из камусов дикого оленя, на этой же нарте помещали связки семейных охранителей, а также мелкие амулеты, нижние зубы диких оленей и т. д. (рис. 4). В одной семье доски находились в мешке из нерпичьей шкуры. На наш вопрос о причине этого хозяйка амулетов ответила, что они с мужем жили на берегу, муж раньше был охотником, добывал нерп, и только потом они перебрались к оленеводам, поэтому у них мешок такой же, как у береговых чукчей.

В мешочках из камуса или ровдуги хранили праздничную посуду для жертвоприношений: деревянные миски для жертвенной травяной каши с кровью и жиром, плоски для жира, ложки-черпаки и большое плоское блюдо для мяса. Перед праздниками эта посуда тщательно перемывалась и перетиралась. В обыденной жизни ею не пользовались.

В некоторых семьях в небольшом мешочке отдельно хранились каменные плоски. В них размешивали сажу и золу для нанесения на лицо семейных знаков.

По словам наших информаторов, вместе с семейными святынями в прошлом хранили отбитые у врагов панцири, шлемы, пояса убитых воинов, а также доставшиеся в наследство от предков редкие вещи.

Рис. 5. Набор предметов для получения костного жира: 1 — каменный молот, 2 — подставка, 3 — таз из лахтачьей кожи

К священным предметам относили также молот округлой формы, булыжник с деревянной ручкой, использовавшийся для дробления трубчатых костей оленей, и подставку — плоский булыжник. Однако эти предметы, как и сосуд из моржовой или лахтачьей кожи, напоминающий по форме таз, хранили нередко отдельно (рис. 5).

Семейные святыни тщательно оберегали. Во время празднеств, когда их доставали, в стойбище привязывали всех собак, чтобы они не погрызли охранителей.

В случае осквернения охранители теряли свою силу, и на стадо нападали волки. В подтверждение этого нам привели следующий пример. Однажды в одной из бригад совхоза Певек, где преобладают старики, во время августовского праздника хозяева и гости после торжества изрядно выпили и не заметили, что, отвязавшись, собаки обнюхали и облизали охранителей. И в этот день несмотря на то, что около оленей дежурил сам бригадир, опытный пастух, на стадо напали волки и нанесли большой урон. При этом рассказчики подчеркивали, что ранней осенью волки нападают на оленей очень редко. Таким образом, охранители как бы противостояли всему нечистому, что отождествлялось с собаками и грязью.

Нарты с охранителями находились обычно в холодной части яранги с правой стороны от входа. В отличие от эвенов семейными святынями у чукчей всецело распоряжалась женщина-хозяйка. Она не только хранила, но и «кормила» огневые доски и прочие амулеты. Охранители, по словам наших информаторов, являлись как бы атрибутами яранги. Тот, кто не имел яранги, не обладал огневой доской и связкой амулетов. Так, в стойбище 9-й бригады совхоза Певек (бригадир Вуквукай) во всех ярангах были огневые доски, кроме одной, где жила работница яранги, пользовавшаяся чьей-то ярангой временно. Молодой хозяйке, если она наследовала ярангу, соответствующие амулеты передавала мать мужа или какая-нибудь пожилая женщина из его семьи. Новая владелица амулетов обычно добавляла к ним разные фетиши, полезные по ее мнению или по мнению ее мужа.

Огневая доска считалась главным священным предметом, в равной мере связанным с ярангой и со стадом. Если в одной яранге жили две-

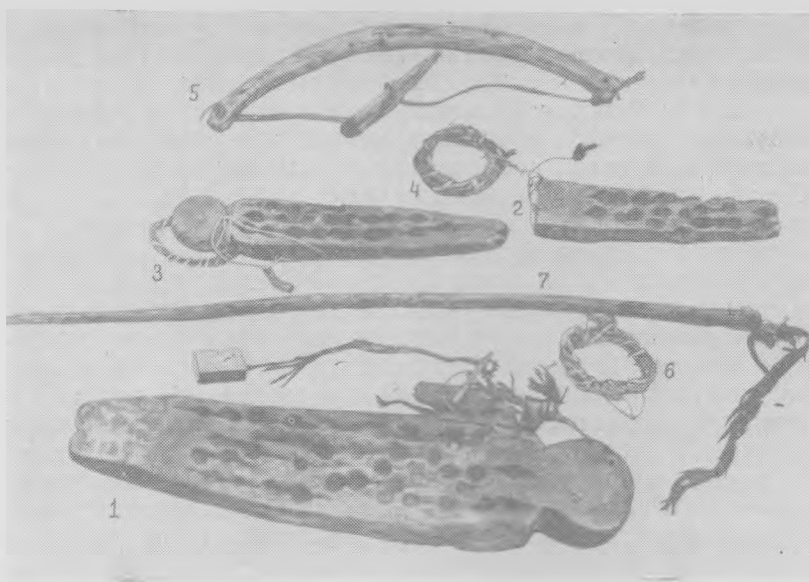

Рис. 6. Предметы для добывания огня: 1, 2, 3 — священные огневые доски, 4 — лучок со стержнем, 5, 6 — «арканы», 7 — хозяин-посох

три родственные семьи, то у каждой были своя огневая доска и охранители. В тех семьях, где у хозяина имелись сыновья, будущие владельцы части стада, у каждого из них была и своя огневая доска. Однако все священные предметы семьи хранились вместе у хозяйки яранги. Чистый огонь на праздниках возжигала (высверливала) хозяйка. В чаунской тундре нам пришлось стать очевидцами такого случая. От пожилого пастуха ушла жена, и он остался владельцем яранги. Но во время праздника забоя молодых оленей на одежду добывание огня в его яранге было поручено родственнице.

Огневые доски, виденные нами в Чаунском районе, представляют собой массивные четырехгранные бруски длиной не более 60 см. Верхняя часть бруска имеет форму человеческой головы с плоским лицом, грубо намеченными ртом, носом и глазами. Только в одном случае нам встретила доска с изображением головы с ушами. Верхняя часть бруска нередко расширена, нижняя сужена. Огневые доски использовались только для ритуального возжигания «чистого» огня. Нередко, добывая огонь, участницы церемонии присаживались покурить и пользовались при этом обычными спичками. Первое добывание огня на новой доске производилось около головы, затем, когда места в верхней части заполнялись углублениями, начинали добывать огонь из нижней части доски. Когда на самой доске не оставалось места для возжигания огня (огонь добывали только с ее лицевой стороны), то к доске прикладывали брусок, но без изображения головы и лица, и возжигание «чистого» огня производилось на этом бруске. Он служил, по представлениям наших информаторов, продолжением или частью огневой доски. В том случае, когда у хозяйки накапливалось слишком много огневых досок, лишние сжигали или отпиливали у них «головки» и приобщали к связке охранителей.

Прибор для возжигания огня состоял из лучка, деревяшки-сверла и накладки из кости или дерева (рис. 6). Добывали огонь обычно две женщины и, если огневая доска была предварительно хорошо высушена, это занимало всего несколько минут. Существовал запрет добывать «чистый» огонь из старых лунок.

К каждой огневой доске привязывали модель аркана, летом ее делали из тальника, зимой из ремня. Таким образом, огневая доска считалась как бы хранителем стада, помощником хозяина.

По данным В. Г. Богораза, когда изготавливали новые огневые доски, то их смазывали кровью жертвенных оленей, хотя обычно доски мазали костным жиром. К новой доске хозяин обращался с просьбой служить ему: «Смотри, чтоб я всегда легко находил добычу. Так, как ты теперь один из моих помощников, то иди и подгони поближе стадо»¹³. Оленные чукчи, как и оленные коряки, когда теряли оленей, доставали огневые доски, «кормили» их, просили подогнать оленей¹⁴.

В некоторых семьях, помимо огневых досок, хозяином стада считался посох. Модель посоха, по размерам чуть превышавшая длину огневых досок, находилась вместе с другими охранителями. К посоху привязывали широкий ремень с прорезями, стилизованными под рога оленя.

По представлениям наших информаторов с огневой доской были связаны и другие охранители. После августовского праздника осеннего забоя оленей к связке охранителей добавляли рогульку, изображавшую духа хозяина — охранителя семейной огневой доски. В некоторых семьях, по словам рассказчиков, добавляли по две рогульки. В результате связка охранителей каждый год увеличивалась. Рогульки, как и огневые доски, на праздниках получали угощение, их мазали костным жиром, держали около огня, окуливали (рис. 7).

Остальные предметы, приобщавшиеся к связке охранителей, представляли собой всевозможные фетиши, обладавшие способностью, по мнению владельцев связки, так или иначе способствовать благополучию и удаче.

Из охранителей, непосредственно связанных с домашними оленями, можно назвать фигурку волка или собаки. Она рассматривалась как помощник главного охранителя. Большая часть предметов в связке, как ни странно, ассоциируется не с домашними, а с дикими оленями, с охотничьим счастьем. Если юноша первый раз в жизни добывал какого-либо зверя, то какие-то его части (например, нос песца) приобщались к связке амулетов. Обычно клочок подшейного волоса дикого оленя зашивали в ровдугу и привязывали на ремешке к связке. Когда удавалось добыть особенно крупного оленя-производителя или оленя, зашедшего в период случки в стадо домашних оленей, к связке прибавляли шкуру с его хвоста, иногда нижние зубы или уши. В том месте, где убивали оленя, если охота отличалась какими-либо особенностями, на счастье брали камень необычной формы. Его обвязывали ремнем или жильной ниткой и приобщали к связке охранителей. Наделенными особой силой считались камни с отверстиями.

Если обнаруживался под кожей дикого оленя комоч шерсти в пленке, то это считалось благоприятным знаменем. Такой комоч зашивали в мешочек и привязывали к охранителям. Напомним, что у соседей чукчей — юкагиров — такие комки считались местом обитания личного духа хозяина оленя¹⁵.

К связкам охранителей приобщали, как правило, все необычные предметы: шкурки уродливых телят, куски неправильно сросшихся рогов. В одной связке нами было обнаружено копыто оленя не с пятью, а с шестью фалангами.

Почти во всех виденных нами старых связках охранителей были части погребальной одежды умерших родственников: пояса, полоски кожи с воротников или опушек одежды, куски ремешков, которыми обвязы-

¹³ В. Г. Богораз. Чукчи, т. II, с. 57, 58.

¹⁴ И. С. Гурвич. Корякские промысловые праздники — ТИЭ, т. LXXVIII, М., 1962, с. 238—257.

¹⁵ W. Jochelson. The Yuakaghir and the yukaghirised Tungus in Josup Pacific Expedition, N. Y., 1920—1924.

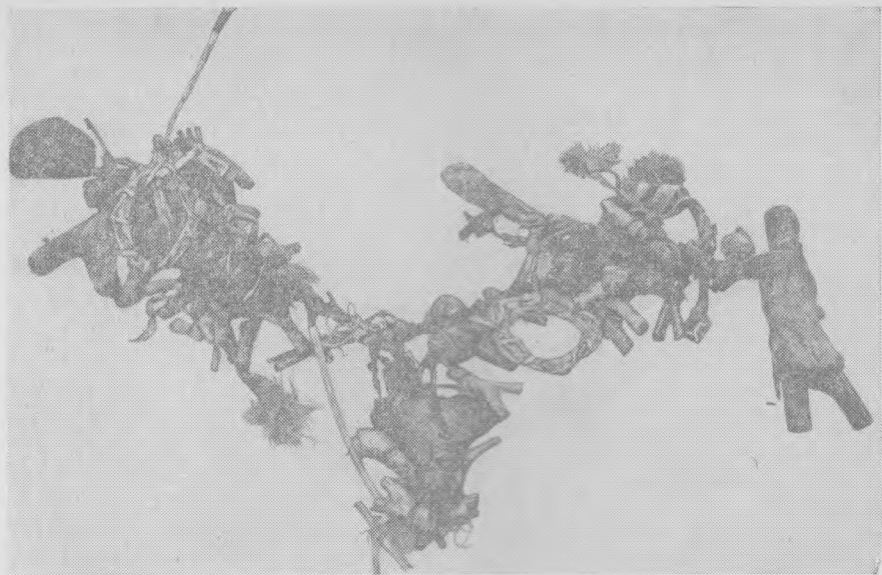

Рис. 7. Набор амулетов — «охранителей»

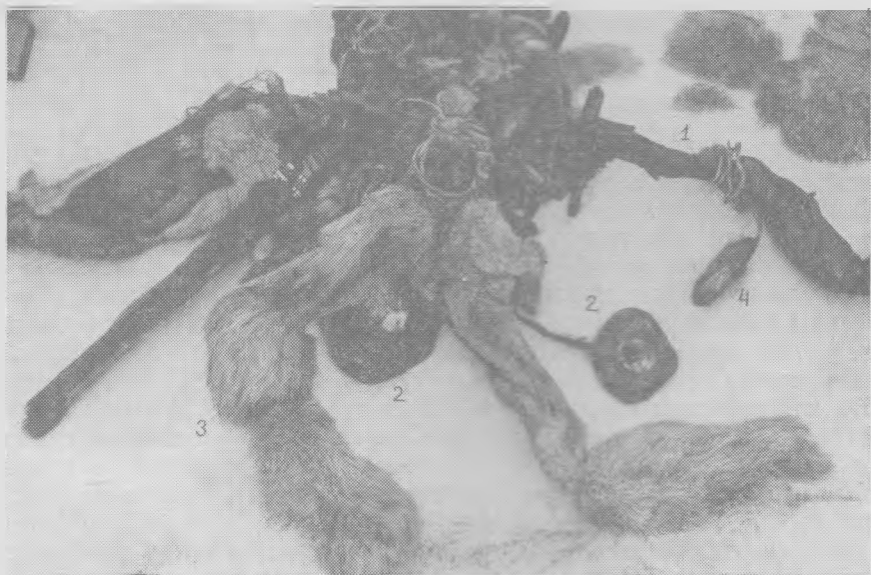

Рис. 8. Семейные «охранители»: 1 — пояс умершего, 2 — камни-охранители, 3 — хвосты диких оленей, 4 — комок шерсти, найденный под кожей дикого оленя

вали умерших, и т. д. Этим предметам, как и «хозяевам», приносили жертвы, т. е. мазали их костным жиром (рис. 8).

Некоторые предметы символизировали близкую связь обладателей семейных святынь с определенным занятием или группой родственников. Так, например, в одной связке хранилась крупная деревянная модель байдары около 60 см длины, напоминающая деревянное продолговатое корыто, с двумя веслами. Байдару на каждом празднике «кормили». Из расспросов выяснилось, что отец хозяина яранги происходил из среды береговых оседлых чукчей. Когда он занялся оленеводством, то в

Рис. 9. Кукла-ребенок ($\frac{1}{2}$ натуральной величины) — амулет, приобщенный к связке священных «охранителей»

память о своем происхождении и для того, чтобы не пропали удача и счастье, приобщил к семейным охранителям модель байдары.

К некоторым связкам были привязаны куклы, изображавшие женщин, они были одеты в керкеры; куклы, изображавшие детей, были одеты в керкеры с макой. В одной яранге встретилась небольшая фигурка женщины в керкере с нашитыми на нее двумя фигурками детей. Одежда их была украшена бисером. Изображения женщин, по словам хозяек этих амулетов, изготавливались «для того, чтобы в семье было все хорошо, чтобы детей было много».

На августовском празднике во время забоя оленей в одной из яранг стойбища около р. Бараниха изображение ребенка — большая кукла из меха, хранившаяся вместе с охранителем, — было вынесено из яранги и поставлено в непосредственной близости с огневыми досками (рис. 9). После того как она была покормлена, т. е. смазана жиром, куклой завладела девочка-гостья. Вечером порядком истрепанное изображение было починено и поставлено около главного столба, к которому была привязана передняя нога и голова жертвенного теленка.

Изображений мужчин нам не пришлось видеть в связках охранителей. Однако, по словам знатоков старины, такие изображения также приобщались к святыням. Они изготавливались по указаниям шаманов или сведущих людей для охраны здоровья хозяина яранги.

Наконец, в некоторых связках были черепа евражки (суслика), голова ворона, рыба голова, целая высушенная рыба с головой и хвостом, клочок нерпичьей шкуры. Расспросы о значении этих реликвий не дали результатов. Владельцы связок охранителей объяснили, что все это досталось им от предков, причин приобщения к охранителям этих черепов и голов они не знают. Более ранние исследования В. Г. Богораза и И. С. Вдовина свидетельствуют о том, что черепа медведей, волков служили охранителями семьи и стада. Они использовались как охранители в течение определенного срока, а затем их относили в тунд-

ру. Воронья голова считалась амулетом, связанным с потусторонним миром, с предками¹⁶.

По словам одного из самых сведущих информаторов из чаунских чукчей, к тайноквыт, т. е. к связкам фетишей привязывали все, что дает природа, чтобы все было близко, чтобы дикие олени, нерпы, пушные звери не уходили далеко, чтобы домашние олени не болели.

В этом отношении интересны сообщения некоторых наблюдателей, отметивших, что к связкам охранителей приобщались пучки травы, ветки тополя, лиственницы и т. д.¹⁷

Таким образом, семейные охранители чукчей связаны по происхождению не столько с оленеводством, сколько со всем комплексом промыслового хозяйства. Это обстоятельство позволяет думать, что семейные охранители появились у предков северо-восточных палеоазиатов еще до возникновения оленеводства.

Если огневые доски, сучки-развилки — охранители, в общем специфичны для северо-восточных палеоазиатов, то некоторые фетиши, такие, как шерсть дикого оленя в подкожной пленке, нижние зубы диких оленей, шкуры и части тела зверей-выродков, тождественны с фетишами юкагиров и эвенов. Сочетание в этой традиционной и весьма консервативной области семейных святынь фетишей, характерных для разных этносов, думается, не является случайностью. В состав чукчей-оленоводо-видимо, вошли какие-то группы континентальных охотников, возможно, юкагирского происхождения. Дальнейший сравнительный анализ религиозных представлений, праздничных церемоний северо-восточных палеоазиатов и их западных соседей, возможно, позволит пролить свет на этот вопрос.

¹⁶ И. С. Вдовин. Религиозные культы чукчей.— «Памятники культуры народов Сибири и Севера». Л., 1977, с. 147, 148.

¹⁷ Г. У. Свердруп. Плавание на судне «Мод» в водах морей Лаптевых и Восточно-Сибирского. Л., 1930, с. 320; Поляков. Чукотские праздники.— «Советский Север», 1933, № 3, с. 102.